

Будетлянин

У гения есть дочь — Елена-Патриция. Ее мать Элли Джонс, русская эмигрантка, и сам поэт под страшным секретом держали факт рождения дочери. Узнай об этом на Лубянке — не уцелеть бы женщине и ее дочке. В записной книжке Маяковского на чистом листе осталась запись "Дочка". В тайну были посвящены только самые близкие люди.

В годы современных российских крушений не раз принимались шаги к развенчанию Маяковского. Но блошные наскоки не поколебали всемирный авторитет гениального провидца и метафориста. В Москве состоялась Международная научная конференция, организованная Институтом мировой литературы им. Горького и Государственным музеем Владимира Маяковского. На празднование 110-й годовщины

поэта съехались исследователи из разных стран. Приятным сюрпризом стало выступление Патриции Томпсон. Дочь поэта прочитала фрагменты из своей новой книги "Фантомный отец".

Провидческие слова произнесла о Маяковском Марина Цветаева:

Превыше крестов и труб,
Крещенный в огне и в дыме,
Архангел — тяжело ступ —
Здорово в веках, Владимир!

В трагической поэме "Про это", полной разочарований и дерзости, поэт заглядывал в век тридцатый: "Вот он, большелобый тихий химик, перед опытом наморщил лоб. Книга — "Вся земля", — выискивает имя. Век двадцатый. Воскресить кого б? — Маяковский вот..."

Поиском ярче лица — недостаточно поэт красив. Крикну я вот с этой, с нынешней страницы, — не листай страницы! Воскреси! И дальше прорвался отчаянный крик сожалений: "Я свое, земное, не дожид, на земле свое не долюбил... Воскреси! Свое дожить хочу".

Доживет ли само человечество до такой дали? Но в XXI веке жива плоть и кровь Маяковского — Патриция Томпсон. Я встречалась с ней еще на столетии поэта, когда она вместе с сыном Роджером вошла в маленькую смертельную комнату Маяковского на Лубянке. Оба они очень высокие и молчаливые. Было невыносимо тяжело видеть, как она сдерживала себя, чтобы не заплакать. О чем думала дочь Маяковского, видевшая его всего один раз?

— Я чувствовала присутствие моего отца среди этих немногих свидетелей его жизни... Впервые я могла коснуться вещей, которыми он пользовался каждый день, обычных вещей, хранивших тепло его рук и тела — тепло, которое я ощущала так явственно... Мое собственное единственное воспоминание о нем — это его рост. Для маленького ребенка — это были только ноги.

Ее мама, Елизавета Петровна (Элли, так ее звали все) Зиберт, появилась на свет в 1904 году в Башкирии в немецкой семье. Ее отец, Петр Генри Зиберт, и мать, Елена Нойфельд, перед революцией имели приличное состояние.

Патриция так описывает мать: "Она была стройной, худой и хорошо сложенной, с густыми каштановыми волосами и огромными выразительными голубыми глазами... Но ее главными достоинствами были ум, твердый характер, смелость и обаяние. В России она получила образование в меннонитской школе и у частных учителей. Кроме русского она знала немецкий, английский, французский".

В Уфе, где Элли работала в приюте для бездомных детей, свирепствовал тиф. И ей надо было проявлять невероятное мужество, поскольку ежедневно приходилось видеть умирающих и умерших. Позже в Москве Элли вышла замуж за лондонца Джорджа Джонсона — он работал в Отделе американской помощи бухгалтером. Он увез жену сначала в Лондон, а потом в Нью-Йорк. Брак не был счастливым. Но, несмотря на разрыв, они всегда оставались друзьями. Элли не могла с ним развестись — иначе ей нельзя было оставаться в Америке. Джонсон проявил джентльменские качества, когда у Элли и Маяковского в 1925 году в Нью-Йорке случился роман. Поэту тогда было 32, Элли — 20.

Американский биограф Маяковского Эдвард Браун, профессор русской литературы Стэнфордского университета, раньше, чем

ОСТРОВ ЛИТЕРАТУРА

Ведущая
Наталья
ДАРДЫКИНА

Владимир
Маяковский
и его
женщины
в XXI
веке

ПРО

Фото из музейного архива. 1926 г.

кто-нибудь из современных авторов, сообщил американской публике, что "Маяковский имел сексуальные отношения с молодой женщиной, и она родила ему ребенка". Тут важна социальная и психологическая оценка характеров двух женщин — Элли и ее дочери. Профессор предположил, что "обе женщины заслуживают уважения к своему желанию оставаться неизвестными и про себя гордиться тем, что одна является матерью ребенка Маяковского, а другая — тем, что она и есть тот самый ребенок".

Ребенок получил при рождении два имени: Елена — в честь бабушки и крестной матери, княгини Елены Святополк-Мирской; Патриция — имя ее ирландской крестной. Патриция пишет: "Мама звала меня Элли, Маяковский — тоже". Вот кусочек из письма поэта, отправленного из Парижа в Ниццу М-ме Elly Jonnes: "Две милые, родные Элли! Я по вас весь изсоскучился. Мечтаю приехать к Вам хотя бы на неделю. Примете? Обласкаете?" (Публикация писем Веры Терехиной. ИМЛИ).

В 1928 году Маяковский приехал в Ниццу, единственный раз смог обнять их вместе — маму и маленькую Элли.

Встреча с Маяковским, любовь к нему — не поэту, а человеку — была главным в жизни Элли. Истинная любовь бескорыстна. Елизавета Петровна в Нью-Йорке и Татьяна Яковлева в Париже любили Маяковского со всей чистотой молодости. Элли, когда Маяковский заболел, работала, чтобы помочь ему, кормить его, заботиться о нем. А в это время из Москвы шли послания от Лили. Одну ее телеграмму, оставленную на столе, Элли прочла: в конце стояло требование денег. В последующих публикациях Брик опустила последние три слова телеграммы: "Куда ты пропал? Напиши как живешь. С кем ты живешь. Неважно. Я хочу поехать в Италию. Дастесь мне денег". Он прислал — она уехала на курорт Сальсомаджоре.

Кстати, из Америки, заняв деньги, Маяковский телеграфом перевел Л.Ю.Брик 500, 350 и 100 долларов. Занятые для этого деньги он отдавал до конца жизни. Сохранилась расписка Элли Вульф (Элли Голдберг), жены члена Коминтерна Бертрама Вульфа: "Получила от тов. Маяковского 700 рублей — остаток денег, которые он одолжил в октябре 1925 г. в США. Большое спасибо. С коммунистическим приветом. Москва, май 26-го, 1929".

В своей книге "Маяковский на Манхэттене. История любви с отрывками из мемуаров Элли Джонс" (книга издана Институтом мировой литературы в Москве. Перевод с английского Екатерины Гуминской) Патриция Томпсон говорит по этому поводу: "С кем — неважно..." — как бессердечно это звучит! "Дастесь

Патриция Томпсон.

ЭТО

мне денег..." — и это тогда, когда Маяковскому фактически нечего было есть. Элли тратила свои сбережения. Она приносила ему еду — консервированные супы, замороженные кусочки мяса, хлеб, фрукты". Элли любила в нем нежного человека. Они условились с поэтом: "Давай все сохраним только для нас. Это больше никого не касается". Знал о рождении Патриции Давид Бурлюк, друг поэта.

Сама Патриция никому не обещала ничего не говорить о прошлом. После смерти матери Патриция посчитала возможным включить в книгу воспоминания матери: "Когда у нас уже некоторое время были близкие отношения, он спросил: "Ты что-нибудь делаешь — ты предохраняешься?" И я ответила: "Любить — значит иметь детей". Он сказал: "О, ты сумасшедшая, детка!"

Эту мудрость женщины поэт повторил в пьесе "Клоп", где профессор произносит похожую фразу: "От любви надо... детей рождать".

Пришло время отъезда Маяковского из США. Бурлюк и Чарльз Рехт вместе с Элли приехали к пароходу проводить друга. Поэт запаздывал... Наконец он появился. При лю-

дях Владимир всегда называл Элли Елизаветой Петровной. На прощание "он поцеловал мне руку. Все видели, как я была бледна и как меня трясло..." — рассказывала она дочери. А дома ее ждал сюрприз: "Я хотела броситься на кровать и рыдать — из-за него, из-за России, но не могла. Моя кровать была устлана цветами — незабудками. У него совсем не было денег. Но он был такой".

На столе Владимира Владимировича в его кабинете стояла фотокарточка девочки. Тайну ее рождения Бурлюк скрыл даже от Лили Брик. Близкая приятельница поэта Наталья Брюханенко в мае 1938 года рассказала о том, что вскоре после похорон Маяковского "они с Лилей пришли в кабинет Маяковского, и Лили уничтожила фотографию маленькой девочки, меня", — пишет Патриция. Но В.В.Катанян в своей книге дает другую версию: "ЛЮ все эти письма и фото положила в один большой конверт с надписью "Элли Джонс и дочь Володи. Для ЦГАЛИ". Эту версию предстоит еще проверить".

Благородный Джордж Джонс сохранил самые дружеские чувства к Элли, дал девочке свое имя. Патриция Томпсон — независимая, сильная женщина — десятки лет является профессором Леман-колледж городского университета Нью-Йорка. Она автор двадцати книг: "Я сделала себе имя как теоретик гестического феминизма и автор учебников для школ и колледжей, теоретических книг и статей в выбранной мной дисциплине — социология домашнего хозяйства".

В юности Элен-Патриция проявляла радикальную независимость: "Маяковский любил свою желтую кофту. Его дочь носила ярко-зеленые шелковые чулки, потому что в те времена сленговым названием ног было "стебли". Ее мужем стал американец Олин Уейн Томпсон. Сыну муж дал имя Роджер Шерман — в честь своего предка, известного своей подписью под Декларацией независимости и Конституцией. Роджер стал адвокатом. Они с женой Гейбл усыновили мальчика из Колумбии. Его зовут Логан Иван Томпсон.

Лили Брик называют "Беатриче XX века". В обольщении мужчин эта красивая, яркая, талантливая женщина выработала особую победную тактику: "Надо внушить мужчине, что он замечательный и даже гениальный, но что другие этого не понимают, — говорила она. — И разрешить ему то, что не разрешают ему дома... Ну а остальные делают хорошую обувь и шелковое белье" (В.В.Катанян, "Лили Брик"). Все-таки заметно, что женщина-вамп Володю не любила. Лили сама признавалась, что любила только Осю.

Лили не скрывала от Володи своих побед над другими мужчинами — политическими деятелями, кинорежиссерами... Что должен был чувствовать страстный и обманутый любовник, которого, когда нужно, она называла мужем? Сходил с ума от ревности и предательства. Чем больше терзала поэта, тем трагичнее были стихи.

А я вместо этого — до утра раннего
в ужасе, что тебя любить увели,
метался и крики в строчки выгравировал,
уже наполовину сумасшедший ювелир.
Оттолкнуть, вновь заманить обещанием
— это у жрицы любви получалось великолепно:
"Ты мог бы мне сейчас нравиться, могла

ПАТРИЦИЯ
ТОМПСОН

Ностальгия

Маяковский! Это я громко стучу в дверь Товарища Истории. Я знаю, ты — там. Впусти меня! Я знаю, ты — там со своими истертиками чемоданами, в которых незаконченные стихи, разбитое сердце и выцветшее фото маленькой девочки, сидящей на балконе в Ницце... Вот! Я здесь! Именно так ты говорил Бурлюку в Нью-Йорке и Элли в Ницце! Я повторяю сегодня: Вот! Я здесь! Я объявляю о себе гордо, громко. Я не нуждаюсь в представлении —

Я ЗДЕСЬ!

(печатается в сокращении)

Daughter! Tochter! Fille!
Дочка!
Я — "маленькая Элли" — твоя дочка, уже взрослая, несу свои хозяйственные сумки с проблемным гениальности, — пятнадцать книг для детей и ученых — на твой суд. Чья похвала имеет значение?... Сегодня я по возрасту могла бы быть твоей матерью! Ты навсегда моложе меня, моложе меня, моложе, чем твой внук, Роджер. Как ты, он любит собак и маленьких детей.
Маяковский! Молчание —

не тайный стыд. Поприветствуй своего брата — Солнце! Твоя дочка ждет с любовью, чтоб обнять тебя! Выходи! Пожми руку Товарищу Истории. Но обними меня! Ты, что любишь тебя. Как говорят в Америке, "безо всяких условий".

Перевод
Татьяны ЭЙДИНОВОЙ.

Маяковский и Элли 1925

21.07.03